

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Д. МИХАЙЛОВ

ПОЭТИКА ПРУСТА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 811.161.1
ББК 83.3(0)5
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 12-04-16227

Издание подготовлено Т. М. Николаевой

Михайлов А. Д.

М 69 Поэтика Пруста / Изд. подгот. Т. М. Николаевой. — М.:
Языки славянской культуры, 2012. — 504 с., ил. — (Вклейка
после с. 112, 224.)

ISBN 978-5-9551-0610-6

При, казалось бы, гигантской исследовательской, биографической, философской литературе, посвященной великому роману Марселя Пруста, работ о его поэтике существует не так много. Тема эта и сложна и не разработана методически. Член-корреспондент А. Д. Михайлов пошел по пути «расщепления» общей проблемы по отдельным ветвям. Итак, он анализирует ситуации как отдельные единицы общей структуры, отдельным является и сюжет. Особо представляются читателю основные персонажи романа и гипотезы об их прототипах.

Нетривиальной для прустоведения является также и твердая установка А. Д. Михайлова обильно иллюстрировать свою книгу картинками, рисунками, набросками второстепенных и даже третьестепенных художников прустовской поры. Он долго собирал, искал и находил, бродя вдоль набережной Сены, именно такие иллюстрации, считая, что они лучше передают эпоху, а «великие французы» перетягивали бы внимание читателей на себя.

В книге представлены Приложения. Это статьи, посвященные Марселю Прусту и его ближайшим французским поэтам и драматургам, современникам Пруста. Автор выявляет причины, по которым имя раннего героя — Жан Сантей. Он пишет о роли писем в жизни Пруста, показывает серьезность и глубину протеста Пруста против метода Сент-Бёва. Герои «Поисков утраченного времени» предстают то вереницей портретов эпохи, то, напротив, А. Д. Михайлов старается проникнуть в самые глубины души его любимых персонажей.

В конце книги представлены «черновые» записи А. Михайлова, не всегда легко поддающиеся расшифровке, но зато демонстрирующие безупречный и изящный перфекционизм этого тонкого литературоведа.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина
Дж. Болдини «Прогулка в Булонском лесу» (1909 г.)*

ISBN 978-5-9551-0610-6

© А. Д. Михайлов, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Вводная	5
<i>Глава вторая.</i> Русская судьба Пруста	31
<i>Глава третья.</i> Сюжет	83
<i>Глава четвертая.</i> Структура повествования	105
<i>Глава пятая.</i> Персонажи и ситуации	187
1. Персонажи	187
2. Имена	191
3. Ситуации	233

Приложение

Предисловие (<i>Т. М. Николаева</i>)	257
Письма Пруста	267
Почему Жан Сантей? (Об имени главного героя первого романа Марселя Пруста)	270
Марсель Пруст накануне «Поисков утраченного времени»: «Против Сент-Бёва»	276
Обретение Пруста	292
«В поисках утраченного времени»: персонажи	299
Еще кое-что о персонажах «В поисках утраченного времени»	314
Шесть воплощений Шарля Сванна	332
В центре повествования («У Германтов»)	344
В поисках утраченных рукописей	351
Поэтический театр Мориса Метерлинка	355
Эдмон Ростан — современник Пруста	387
Пьер Луис и фривольный роман на грани столетий	404
Марсель Пруст и Виктор Гюго	417
Марсель Пруст читает сказки «Тысячи и одной ночи»	444
Пруст. Последовательные заметки А. Д. Михайлова (факсимильное издание)	455

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВОДНАЯ

1

Писательская и человеческая судьба Марселя Пруста настолько своеобразна, неповторима, причудлива, парадоксальна и по-своему исключительна, что она в значительно большей мере, чем судьба многих других мастеров слова, наложила отпечаток на все его произведения. Не зная многих жизненных обстоятельств, с которыми был вынужден сталкиваться Пруст (либо сам себя в них «загонял»), трудно понять его творчество, поэтику его книг, то есть их структуру, наполняющих их персонажей, приемы и методы работы писателя, его творческую «кухню». В его жизни немало загадок, темных мест, невыясненных ситуаций, в связи с этим — и много легенд, иногда самых фантастических, которые лишь постепенно обнаруживают свой истинный смысл. Конечно, не какие-то тайны жизни Пруста привлекали к его книгам читателей и исследователей, а как раз неповторимая грандиозность его постройки, заключенная в ней широта и тонкость взгляда на мир, на человеческие отношения, на природу, на искусство, наконец. Личностным началом пронизано все его творение.

Недаром писателя постоянно «уличали» в чрезмерном автобиографизме и нередко видели в его главной книге — «В поисках утраченного времени» — своеобразные мемуары, несколько сумбурные, далеко не всегда достоверные и подчас изрядно скучные. Между тем Пруст мемуаров не писал и неизменно настаивал на этом — в статьях, интервью, письмах, когда ему это приписывали. И вместе с тем его книга очень автобиографична, но автобиографична очень по-своему, и, наверное, не в большей степени, чем произведения Стендаля или Мериме.

Давно уже, по крайней мере к середине XX века, Пруст занял место одного из самых крупных писателей XX столетия, а среди французских писателей — бесспорно самого крупного. Здесь он обошел всех своих именитых современников — и Эмиля Золя, и Анатоля Франса, и Мориса Барреса, и Ромена Роллана, и Поля Клоделя, и

Андре Жида, и Поля Валери. Обогнал и по числу посвященных ему разнообразнейших исследований, каждый год выходящих десятками, и по количеству переизданий — от массовых, «карманных», до роскошных библиофильских или, напротив, внешне строгих и скромных, но научнейших. Пруст обогнал своих писателей-современников по количеству посвященных ему научных обществ, специализированных периодических изданий, выставок, конференций, симпозиумов и т. п. А ведь при

его появлении в литературной жизни эпохи, вернее, где-то около нее, этой жизни, в лучшем случае на литературной периферии, ничто таких последствий не обещало.

Неизменно растущий читательский интерес, конечно же, оправдан. И, пожалуй, в самой незначительной степени связан с биографией писателя. «Романизованных биографий» о нем создано не было, хотя о нем и написал мастер этого жанра Андре Моруа (1948); его книга «В поисках Марселя Пруста» — это увлекательное исследование, но никак не роман. Вопреки все еще высказываемому иногда мнению, главная книга Пруста попросту интересна; она интересна переполняющими ее наблюдениями, мыслями, заметками, сформулированными подчас парадоксально, но неизменно точно, глубоко и даже афористично, но интересна эта книга и чисто событийно: ее сюжет многолинеен, ветвист, разворачивается то стремительно, то невероятно медленно (к досаде нетерпеливого читателя), но всегда поступательно и логично.

Интересен, конечно, и сам механизм построения прустовской книги. Как любой великий писатель, Пруст дает богатейший материал для всяческих историко-литературных и теоретических обобщений и выводов; но творчество его столь многообразно и многосмысленно, что представляет интерес не только для литературоведов, вообще филоло-

гов, но также для философов (и им они занимаются особенно охотно), для психологов, отчасти медиков, для искусствоведов, культурологов, историков общественной мысли, нравов и быта.

Нельзя не заметить, что книги Пруста не хуже, чем чьи бы то ни было еще, отражают эпоху, причем в большом и малом, — время гигантских сдвигов и переломов, культурного, социального, политического, то есть период перехода от «прекрасной эпохи» «конца века» к эпохе — в самом широком смысле слова — империализма с его войнами, переделом мира и всплесками революций. Эта быстрая смена эпох привела к причудливому сосуществованию старого и нового, давно укоренившегося, привычного и самого современного, кажущегося диковинным и опасным; достаточно сказать, что сам Пруст и его герои то нанимают фиакр, то садятся в такси, то зажигают по вечерам свечи и керосиновые лампы, а то включают газ или же электричество, то они растапливают камин, то поворачивают вентиль у калорифера. Они носят цилиндры и кепки, фраки и спортивные куртки. Их дамы проезжают на лошадях в изящных амазонках или лихо проносятся по тем же аллеям Булонского леса на велосипеде. Пруст и его герои то отправляют записки с посыльным, шлют «пневматички», а то звонят по телефону.

Это — на уровне быта. Но примерно такая же чересполосица происходит и в литературе, в искусстве. Как и во всякую переходную эпоху, во времена Пруста всевозможных направлений, тенденций, традиций становится невообразимо много; они сосуществуют, соседствуют, сталкиваются, ведут борьбу, не замечают друг друга, переплетаются, взаимодействуют. Импрессионизм, символизм, неоромантизм, неоклассицизм, старый приземленный реализм, натурализм, кубизм, сюрреализм — все они выдвигают ярких самобытных представителей. Без ощущения и осознания этого рубежа эпох Пруста нелегко понять. Он жил в это время, впитывал новые веяния, цеплялся за старые, и все это в той или иной мере входило в его поэтику.

От богатейшего многовекового опыта французской литературы Пруст, в отличие от некоторых своих современников, не отмахивался; напротив, он постоянно продумывал и как бы прорабатывал опыт предшественников, вот откуда в его книгах и прямые ссылки, и многочисленные цитаты, и также не менее многочисленные цитаты, источник которых не всегда удается определить, даже подчас цитаты и ссылки

подсознательные, ненамеренные; отсюда же и «пастиши», то есть умелые и ироничные стилизации, чем Пруст любил забавляться, но источники которых выявлены далеко не всегда.

Весь предшествующий опыт, хотя бы в области литературы, у Пруста не просто присутствует, он активно входит в его художественный мир, в поэтику его книг, он осмысливается, классифицируется, подытоживается; можно сказать, что Пруст как писатель — завершающее звено определенной эволюции, не только ее блестящий итог, но и своеобразный символ.

Впрочем, сам Пруст вряд ли ощущал себя наследником своих великих литературных предков, на такое он не решался претендовать. К тому же из богатого прошлого французской литературы он брал далеко не все. Его привязанности и увлечения важны, красноречивы и в общем-то понятны.

Его пристрастия и антипатии, его предпочтения и отталкивания — в значительно большей мере, чем у кого-либо из других великих писателей Франции, были маркированы и складывались в очень стройную и гармоничную систему, лишённую, впрочем, навязчивого схематизма. Он находил в прошлом прежде всего то, что могло помочь ему решать поставленные перед собой задачи. Если Средние века обратили на себя его внимание как замечательная эпоха архитектуры, то ее литературные достижения Прустом в должной мере оценены не были. Точно также — литература Ренессанса. А вот следующее столетие, которое обычно называют во Франции «великим веком», — как раз наоборот. Там Пруста притягивало многое. Он отдавал должное величавому гению Корнеля, хорошо знал и любил мудрый юмор Мольера и Лафонтена, но его любимцами и эстетическими ориентирами стали г-жа де Севинье, Ларошфуко, Лабрюйер и, прежде всего, Расин, то есть те, у кого чувство меры, приверженность канону все время вступали в противоречие с вдохновением, с божественным порывом, те, кто столь внимательно и трепетно относился к глубокой и ломкой человеческой душе и поэтому так основательно прорабатывал вопросы морали. Это может показаться парадоксом: писатель-новатор, прокладывавший в литературе новые пути, не просто тяготел к опыту достаточно далекого прошлого, но брал его за образец. В этом — одна из существенных особенностей поэтики Пруста: его проза тяготеет не просто к классической, а даже «классицистической» ясности и строгости, чувству меры, согласованности частей.

Это же он находил и у великого мемуариста Сен-Симона, который стал для писателя величественным (и увлекательнейшим!) итогом XVII века, хотя и дожил до середины следующего. Нетрудно догадаться, что эпоха Просвещения, богатая, живая, пестрая, красочная, язвительная, остроумная и лукавая, но насквозь и так по-разному идеологизированная, осталась для него почти чужой. Даже тонкая диалектика души и пафос саморазоблачения Руссо его не увлекли. А что же мощный и обильный XIX век? Пруст внимательно прочитал Ламартина и Гюго (впрочем, их тогда непременно читали в лицеях и гимназиях), хорошо знал Мюссе и Виньи, одно время увлекался некоторыми книгами Жорж Санд. Но никакого интереса к представителям «неистового романтизма» — Жюлю Жанену, Эжену Сю, Фредерику Сулье, хотя и их молодой Пруст, скорее всего, читал. Лучше перечислим тех, кто стал для него особенно интересен, поучителен и попросту дорог. Но каждый, конечно, по-своему. Это Шатобриан (особенно как автор «Замогильных записок»), Жерар де Нерваль, Бодлер, Барве д'Оревильи, несколько меньше — Мериме и особенно Стендаль. (Отметим такой примечательный факт: во всех своих произведениях Пруст лишь однажды упоминает книгу Стендаля «О любви», без которой, казалось бы, ему трудно было бы обойтись.) Прусту был, конечно, близок Флобер (но не как мастер стиля) и в очень сложном притяжении-отталкивании — Бальзак. В поэтической концепции Пруста автор «Человеческой комедии» занимает особое место, поэтому скажем о нем особо.

Бальзак для Пруста в литературе — фигура ключевая. Казалось бы, почти писатель-ремесленник, постоянно торопившийся, чтобы успеть выправить гранки к поставленному издателем сроку, создатель всех этих многочисленных романов и повестей не знал подлинного вдохновения, и божественный глагол никогда не касался его слуха. В действительности это было не так, совсем не так, и Пруст это понял. Для него Бальзак являлся своевольным творцом собственного вымышленного мира, очень похожего на мир реальный, но объективно ему противостоящий. У него все было поставлено с ног на голову, реальность мерилась вымыслом, а не наоборот. «Для Бальзака, — заметил как-то Пруст, — не было деления на жизнь реальную (ту, что, на наш взгляд, таковой не является) и романную (единственно подлинную для писателя). Рассуждения о выгоде женитьбы на г-же Ганской в письмах сестре не только построены как в романе, но и характеры описываемых людей

там заданы, проанализированы, определены в качестве факторов, проливающих свет на действие»¹.

Но всеохватность романов Бальзака, по мнению Пруста, заключается еще и в том, что помимо жизни духа, рождающей красоту, они несли в себе еще и немалую полезную информацию. «Поскольку, — писал Пруст, — романы Бальзака относятся к определенной эпохе, показывают нам ее внешнюю обветшалость, с большим умом судят о ее сущности, то, когда интерес к самому роману исчерпан, роман начинает новую жизнь в качестве исторического документа, как те части “Энеиды”, что ничего не говорят поэтам, но вдохновляют специалистов по мифологии»².

Пруст учился у Бальзака, в частности, создавать вымышленный мир, стоящий вне и над миром обыденным, учился подмечать яркие и характерные черты мира повседневного, где тоже находилось место поэзии. Вот почему Бальзак для Пруста — постоянный камертон, который никогда не сфальшивит. И вот что интересно: любовью к Бальзаку, глубоким знанием его творчества Пруст наделяет прежде всего своих персонажей из кругов аристократии (как бы сам он к этим персонажам ни относился) — Шарлюса, герцога Германтского, принца Германтского и т. д. Дело в том, что Пруст обнаружил у Бальзака умение находить красоту, одухотворенность у представителей аристократии и в то же время видеть их же уродство, бездуховность; мир этой аристократии складывался под пером Бальзака из мелких, пестрых, подчас незначительных осколков и превращался в объемную и необычайно поэтичную, красочную, но и страшную своим цинизмом и жестокостью картину. Пожалуй, именно Бальзак и Пруст, как никто другой, высказали немало верных, тонких, восторженных и беспощадных суждений о представителях аристократии самого разного толка. Здесь не было никакого «бальзаковского парадокса», о котором так любят писать иные литературоведы и критики; были большие мастера слова, которые не могли идти против правды жизни, которые раскрывали эту правду не вопреки своим пристрастиям и иллюзиям, а следуя анали-

¹ Proust M. Contre Sainte-Beuve précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles. Edition établie par P. Clarac avec la collaboration d'J. Sandre. Paris, 1971. P. 266.

² Ibid. P. 290.

тическому методу и не более того. И Бальзак, и Пруст много писали о «высшем свете», как раз в этой среде находя своих героев, но разве из-под их пера выходили восторженные восхваления аристократии? «Проаристократизм» Пруста (и в не меньшей степени Бальзака) — такой же миф, как и отгороженность писателя от жизни пробковыми стенами его рабочего кабинета.

Вообще если сопоставлять творческие приемы, выбор героев и т. д. у Пруста и Бальзака, то здесь мы обнаружим много неожиданных, но закономерных сходжений. Отметим, что, вслед за Бальзаком, Пруст тяготел к многофигурной композиции, он стремился тоже дать широкий социальный срез, изобразить если и не все общество, то многие и разнородные его составляющие (да, у Бальзака таких «составляющих» больше, чем у Пруста). Как и Бальзак, автор «Поисков утраченного времени» за конкретным фактом, за чертой характера, какими-то особенностями человеческих взаимоотношений видел проявление общих законов и старался сформулировать эти законы афористично и полно. Между прочим, книги Бальзака наверняка привлекали читателей-современников не только хитросплетениями сюжета, но и этими афористическими обобщениями, в которых, как полагали, нашли отражение бальзаковские «знание жизни», «понимание человеческого характера», «проникновение в тайники женской души» и т. д.

У Бальзака и Пруста мы обнаружим и сходные приемы работы над текстом — многократные правки рукописей, гранок, корректур, обилие вставок, дополнений, разворачивания первоначально незначительного эпизода в широкую картину. И даже склонность к писанию по ночам.

Интересно, что и Бальзак, и Пруст прошли через увлечение дендизмом, отдали дань снобистским иллюзиям, но в конце концов выступили зоркими аналитиками и острыми критиками и того, и другого.

И Бальзак, и Пруст в молодые годы пережили любовную склонность к женщинам ярким, незаурядным, но бывшим много старше их: Бальзак — к г-же де Берни или герцогине д'Абрантес, Пруст — к графине Грефюль или г-же Штраус (Стросс). Наконец, упомянем сходные у того и другого провинциальные корни, принадлежность к разночинной среде и одновременно — быстрое завоевание «света», обретение там не очень видного, но прочного положения, а также нерасторжимую связь с Парижем, где прошли их лучшие годы и куда поселены герои

большинства их книг. Париж входит заметной составляющей поэтики обоих писателей.

Между тем жизненный путь Пруста никак не напоминает путь Бальзака.

2

Родители Пруста принадлежали к двум очень разным слоям французской буржуазии, настолько разным, что породнившись они не стали соединительным звеном между двумя непохожими, чуждыми друг другу мирами. Истоки и характер состоятельности каждого из этих кланов имели свои особенности и резко отличали один клан от другого. Пруст описал оба клана, в том числе в их повседневном быту, но описал и с разной степенью достоверности и под совершенно разным углом зрения.

Отец писателя доктор Адриен Пруст (1834—1903) был выходцем из самого сердца страны, из старинной провинции Иль-де-Франс. Его предки принадлежали к мелкой буржуазии, твердо стоявшей на ногах, очень связанной со своей средой и родными местами; достаточно сказать, что Прусты обосновались в маленьком городочке Иллье, близ Шартра, еще в XVI веке и не покидали его никогда. Иллье (у Пруста Комбре) — типичный французский провинциальный городок, с десятком улиц, застроенных тесно поставленными двух- или трехэтажными домами, с одной площадью, посреди которой возвышается старая, очень простая по архитектуре церковь Святого Иакова (у Пруста — Святого Илария), облепленная лавками и магазинчиками. Довольно широкий бульвар ведет к вокзалу. Недлинные кривые улицы выходят прямо в поля. Поколение за поколением Прусты жили здесь, владели в окрестностях землицей, вели торговлю — кто бакалейными товарами, кто сукном. Вероятно, далекие предки писателя исполняли тут какие-то административные функции, были, скажем, «прево» купцов (то есть возглавляли их сообщество, откуда совершенно наверняка и фамилия писателя: старофранцузское *prevost* или *provost* при неизбежных фонетических сдвигах и дало современное написание — Proust).

Бакалейная лавка деда писателя Фраксуа-Валантена Пруста, женатого на Катерине-Виржинии Торшё, естественно, тоже местной, помещалась на главной площади, напротив церкви. Тут же, над магазином, они и жили, тут родились их дети, сын Адриен и дочь Элизабет

(1828—1886), вышедшая в 1846 году за местного же жителя Жюль Амьо (1816—1912), торговца сукном. Их дом был в двух шагах от площади, на улице Святого Духа; здесь часто проводил каникулы будущий писатель, очень любивший этот дом и затем изобразивший его как «дом тетки Леонии». Отметим, что в описываемое Прустом время она не была вдовой, и ее образ жизни, видимо, был совсем иным, не очень похожим на тот, что изобразил писатель. Но изобразил он этот дом и весь его уклад в легко узнаваемых традициях Бальзака, Флобера и Золя с их неповторимыми картинами провинциальных нравов. Добавим, что семью отца (впрочем, в романе, скорее, матери) Пруст в своей книге несколько приподнял: если это и бакалейщики или торговцы сукном, то уже в прошлом, а теперь — типичные провинциальные рантье.

Если бальзаковские провинциалы спешили порвать с родным захолустьем, легко о нем забывая, дабы завоевать Париж (были здесь, конечно, и исключения), то у Пруста все иначе. Для его героя-Расказчика городок Комбре всегда оставался связан не только с воспоминаниями детства, а с некоей жизненной первоосновой, устойчивой и надежной. И здесь эстетическое восприятие малой родины теснейшим образом переплеталось с восприятием этическим, причем, и то, и другое было для писателя одинаково важно. Вот почему тема Комбре проходит через все тома прустовской эпопеи. Отметим мимоходом, что первоначально Пруст поместил Комбре недалеко от Шартра (как и расположен реальный Иллье), но затем, описывая войну (вернее, ее восприятие героем), он передвинул Комбре поближе к линии фронта, между Ланом и Реймсом, и это было не случайно: слишком дорог был ему этот город, о котором прустовский герой не мог всерьез не волноваться.

К совсем иным кругам принадлежала мать Пруста. Ее дед Барух Вейль, выходец из Германии, владел под Парижем фабрикой фарфора. Его сыновья Нате (1814—1896) и Лазарь, называвшийся обычно Луи (1816—1896), со временем стали видными финансистами. В 1845 году Нате Бейль женился на Адели Бернкастель (1824—1890), бабушке писателя, о которой он так много говорит в своей книге. У Нате и Амели было двое детей — сын Жорж-Дени (1847—1906) и дочь Жанна-Клеманс (1849—1905), ставшая матерью Пруста. Жанна была хороша собой, обладала мягким, отзывчивым и добрым характером; ее роль в формировании характера Пруста, ее влияние на него были огромны, возможно, в истории мировой литературы беспрецедентны и уникаль-

ны; она была писателю самым близким другом, бесконечно преданным, разделявшим все его литературные и художественные интересы, самоотверженно помогавшим ему в работе. Заметим, что Жанна Вейль послужила прототипом сразу для двух персонажей его книги — матери героя-Рассказчика и его бабушки, занимающих в повествовании такое большое место. Заметим, что в романе (об этом мы еще скажем подробнее) эти два образа после кончины бабушки начинают сливаться, становясь неким символом материнства, родственной / родительской опеки и любви.

Семья матери, как это часто бывает, играла в жизни писателя и его близких весьма заметную роль, тогда как семья отца — никакой. Показательно, что Вейли часто упоминаются в переписке молодого Пруста — и дед с женой, и двоюродный дед, и дядя Жорж и его дочь Адель, и двоюродные или троюродные братья и сестры матери, тогда как прототип тетки Леонии — г-жа Жюль Амьо — не упоминается совсем, хотя каждое лето семья жила в ее доме, имела там свои комнаты, в том числе и юный Марсель. Такое небрежение понятно: провинциальные Прусты были слишком заурядны, слишком «мелкобуржуазны», чтобы войти в общество преуспевающего парижского врача. Благополучие его семье, и прежде всего самому писателю, дали Вейли. Они же, как увидим, обеспечили и надежные связи в кругах аристократии финансовой, а затем и аристократии подлинной. Впрочем, доктор Пруст брал некоторый реванш: все-таки не Вейли бывали в числе почетных гостей в прустовском доме, а медицинские светила, литераторы, не очень высокого разбора аристократы. Итак, семья взяла деньги Вейлей, веру, обычаи, ориентацию Прустов. Семья стала французской. Свои еврейские корни — в романе — Пруст тщательно затушевал, просто от них отказался, по крайней мере о них промолчал, а крупную еврейскую буржуазию, скажем, в лице родственников друга героя, Блока, изобразил даже не без яда. Но тема эта его явно мучила, вот почему пресловутому «еврейскому вопросу» он посвятил так много страниц, а своего самого обаятельного и безусловно любимого героя — Шарля Свана — Пруст сделал евреем.

Как старший сын провинциального бакалейщика стал — в романе — видным дипломатическим чиновником, Пруст не рассказал. Как этот сын стал — в жизни — популярным парижским врачом — понять легче: у семьи были деньги, первенец оказался усидчивым и способным, хорошо окончил школу, и его послали в Париж на медицинский факуль-

тет Сорбонны. А дальше все уж зависело от него самого: Адриен Пруст настойчиво и успешно делал в столице медицинскую карьеру. Он быстро выдвинулся как авторитетный врач-гигиенист. В 1862 году он защитил диссертацию, через год возглавил клинику. Он много практиковал, много писал (и несколько его книг было переведено в России), его любили студенты, уважали коллеги.

3 сентября 1870 года доктор Адриен Пруст женился на Жанне Вейль, и эта дата приблизительно совпадает с началом романного времени «Поисков», момент для такого шага доктор Пруст выбрал явно неудачно: уже вовсю шла франко-прусская война, 4 сентября Империя пала и была провозглашена республика. Приходилось применяться к обстоятельствам. На первых порах молодая чета сняла квартиру недалеко от церкви Мадлен (в этом районе Парижа Пруст прожил почти всю жизнь), но начавшаяся осада города и неизбежные эксцессы, вызванные политикой Парижской коммуны, заставили доктора Пруста увезти беременную жену к ее дяде Луи Вейлю в Отёй, западный пригород Парижа. Дом Луи Вейля, к сожалению не сохранившийся, был окружен большим садом (а может быть, просто ребенку он казался непомерно большим?); такого сада вокруг дома Прустов в Иллье не было. Оба эти дома, где писатель провел многие дни и месяцы в детстве, соединились в один, ставший домом в Комбре.

В Отёе 10 июля 1871 года родился будущий писатель. Как уже говорилось, это и год романного рождения прустовского героя. Роды прошли благополучно, но ребенок появился на свет слабым, поэтому крестили его лишь 5 августа, по католическому обряду, и нарекли Марселем-Валантенем-Луи-Эженом-Жоржем. Впрочем, все и всегда будут называть его только Марселем.

Итак, Пруст с детства был слабым и болезненным, что, между прочим, не помешало ему отбыть год военной службы. Особенно часто и серьезно он недомогал, когда ему было уже далеко за тридцать: его письма тех лет пестрят жалобами на здоровье, на то, что он почти не покидает постели и даже короткий выход из дому ему невероятно труден. Но своего героя Пруст таким слабым здоровьем не наделил, поэтому глубоко ошибаются те, кто видит в книге писателя исповедь человека болезненного, если не просто больного.

Когда революционные страсти улеглись, жизнь стала налаживаться, семья доктора Пруста перебралась в Париж и поселилась на бульваре